

З. П. Соколова, В. А. Туголуков

**СТАРЫЕ И НОВЫЕ НАЗВАНИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРА**

Известно, что названия многих современных народов Сибири и Европейского Севера появились лишь в советское время (в 1930-е годы). Как правило, они восходят к их самоназваниям. Только некоторые новые этнонимы не прижились (*лоураветланы* — чукчи, *нымыланы* — коряки), большинство же прочно вошло в повседневную практику. Однако в отдельных районах продолжают бытовать старые названия (подчас наряду с новыми), что создает определенную путаницу. Существует она и в написании ряда этнонимов, в особенности применительно к женщинам.

Авторы настоящей статьи рассматривают на примере народов Западной и Восточной Сибири вопросы, связанные с современными этнонимами.

На территории Западной Сибири мы проанализируем угорские и некоторые самодийские этнонимы.

Хантов и манси до Великой Октябрьской социалистической революции называли остяками и вогулами. Названия эти нередко употребляются и сейчас за рубежом — в Венгрии, Финляндии, Швеции¹.

В XI—XV вв. в русских документах эти народы назывались югрой.

В нашей научной литературе широко распространено мнение о том, что два этнонима — *югра* и *вогулы* — своим происхождением связаны с коми-зырянским языком (*Jögra* и *вэгул*), а третий — *остяк* — с татарским (иштек, истек, уштяк)².

Действительно, скорее всего именно от коми-зырян и татар русские впервые узнали об этих народах и их названиях. Однако, как мы уже писали³, это были, по-видимому, самоназвания хантов и манси, которые первоначально стали известны русским в коми-зырянской и татарской огласовке. Логично предположить, что коми-зыряне и татары не придумывали названий своим соседям, а именовали их так, как те сами себя называли. Подтверждается это и на примере этнонима *югра*.

Вопрос о локализации югры, ее этническом составе, происхождении этнонима сложен. Первоначально, в XI в., югрой (угрой, югричами)

¹ *Gulya J. Vahi osztjak szójegyzék.*— *Különnyomat a Nyelv Tudományi Közlemények LXXI. Kötetének. I. Számából.* Budapest, 1969; *Korenchy E.* *Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen.* Budapest, 1972; *Lehtonen J. U. E. U. T. Sirelius a kansatiede.* Helsinki, 1972; *Paproth H. J.* *Studien über das Bärenzeremonial.* Uppsala, 1976; *Futaky J.* *Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen.* Wiesbaden, 1975.

² *Миллер Г. Ф.* *История Сибири.* М.: Изд-во АН СССР, 1937, т. 1, с. 211; [Бушен] А. *Опыт исследования о древней югре.*— *Вестник Русского географического общества.* Спб., 1855. кн. IV, с. 176; *Бахрушин С. В.* *Остяцкие и вогульские княжества в XV—XVII вв.*— *Научные труды.* М.: Изд-во АН СССР, 1955, VIII, ч. 2, с. 87; *Долгих Б. О.* *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.*— *Труды Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ).* М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. LV, с. 21; *Терешкин Н. И.* *Хантыйский язык — Языки народов СССР.* М.: Наука, 1966, т. III, с. 319; *История Сибири.* М.— Л.: Наука, 1968, т. I, с. 353.

³ *Соколова З. П.* *Ханты.*— *Вопросы истории,* 1971, № 8, с. 213—214; *ее же.* *К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров.*— *Этногенез и этническая история народов Севера.* М., 1975, с. 190, прим. 18; *ее же.* *Страна Югория.* М.: Мысль, 1976, с. 15, 49—50; *ее же.* *К происхождению современных манси.*— *Сов. этнография,* 1979, № 6, с. 46.

называли племена, жившие к востоку от Печоры до Уральских гор⁴, т. е. на сравнительно небольшой территории Северного Приуралья. Вероятно, это объясняется тем, что сведения о народах Урала и Сибири тогда были еще очень скудны и чаще всего не касались зауральских жителей. По данным Бушена, в XI—XIII вв. югра расселялась от Югорского шара до устья Таза, от Ледовитого океана до верховьев Лозьвы и Вишеры, заходя также на Колву, Вишеру и Тавду⁵, т. е. на более широкой, чем теперь, территории в Северном Приуралье, на Северном Урале и в северо-западной части Западной Сибири.

Большинство исследователей считали, что этноним югра относился только к хантам, некоторые полагали, что югрой в XI—XIII вв. можно считать также и манси⁶. Так, А. Альквист писал, что этноним *югра*, *угры* был самоназванием манси⁷.

Как появился этот этноним — неясно. Точки зрения о том, что он происходит от названия р. Юг (Рычков, Татищев) или от словосочетания *у гор* (Шлецер)⁸, не выдерживают критики. Вероятней всего, этноним *югра*, восходящий к самоназванию предков хантов и манси (а также и венгров) — угор, угры, обозначал в прошлом все эти народы. В XI в. коми-зыряне и вслед за ними русские так называли угорские племена, жившие к востоку от них, не дифференцируя их на отдельные народы. З. Я. Бояршинова справедливо отмечает, что процессы этногенеза обских угров, выделение из угорской общности хантов и манси оказали влияние на изменение содержания термина *югра*⁹.

Возможно, и сами угорские племена еще не осознавали себя в это время двумя разными народами — хантами и манси, и среди них был распространен общий этноним угор, угра, угры (югра). В. А. Могильников считает, что к концу I тыс. н. э. уже произошла дифференциация угров на хантов, манси и венгров¹⁰. По мнению В. А. Могильникова, угорская общность распалась на хантов и манси во второй половине I тыс. н. э.¹¹ Но утверждалось их самоназвание (хантэ, ханти, кантагях и мань-си), видимо, длительное время и окончательно закрепилось позднее, а у их соседей могло оставаться в употреблении и старое самоназвание *угры* — *югра*.

В Софийской летописи (XIV в.) наряду с югрой упоминаются и другие племена Прикамья и Приуралья — вогуличи, печора, пертасы (?), пермь великая и гамаль чувсовая (?)¹². В XVI в. в царских указах уже говорится об остяках¹³. В это время этноним югра приобретает иное значение и распространяется на народы, жившие на территории Нижней Оби от Обдорска до Березова, в основном в бассейне Северной Сосьвы и Ляпина, появляется и название «Югорская земля»¹⁴.

XIV—XVI вв., когда распространились этнонимы *вогул* и *остяк*, вероятно, закончился процесс формирования этих этнических групп и расширились знания об этих народах их соседей, в том числе и русских.

Этноним югра не имеет перевода с коми-зырянского языка. Это также свидетельствует в пользу древности самоназвания предков хантов и манси.

⁴ Бахрушин С. В. Указ. раб., с. 86.

⁵ [Бушен] А. Указ. раб., с. 170, 171.

⁶ См. об этом: Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960, с. 57.

⁷ Ahlquist A. Ethnographische Schilderung der Wogulen.— Bulletin de la classe Historico-philologique de l'Academie Impériale des sciences de Saint-Pétérbourg, t. XVI, № 4, 5, p. 51.

⁸ [Бушен] А. Указ. раб., с. 167, 168.

⁹ Бояршинова З. Я. Указ. раб., с. 58.

¹⁰ Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э.: Автореф. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: 1964, с. 17, 18.

¹¹ Могильников В. А. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тыс. н. э.— Сов. археология, 1974, № 2.

¹² [Бушен] А. Указ. раб., с. 168.

¹³ Бахрушин С. В. Указ. раб., с. 87; История Сибири, т. I, с. 353.

¹⁴ Бахрушин С. В. Указ. раб., с. 87, прим. 16.

Вопрос о происхождении этнонимов *вогул* и *остяк* до сих пор остается спорным. Большинство исследователей возводят слово вогул к коми-зырянскому *вэгул*, что значит «дикий»¹⁵. Б. О. Долгих называл этот этноним русско-зырянским¹⁶. Однако существует и другое, оригинальное мнение В. Н. Чернецова по этому поводу. В одной из своих последних работ¹⁷ он привел самоназвание племени манси, кочевавшего в Северном Приуралье, — *выкли* (по-хантыйски оно звучит как *вокыл*, по коми-зырянски — *вагол*), встречающееся в эпических и исторических преданиях обских угров, и поставил его в связь с русским названием вогул. Нам также кажется естественным предположить, что коми-зыряне познакомились ранее всего именно с племенем манси в Северном Приуралье и от его самоназвания-этнонима образовали свое *вэгул*, возможно, со значением «дикий», поскольку коми-зыряне по уровню культуры стояли выше манси (как слово *варвары*, первоначально означавшее просто соседей древних греков и римлян, впоследствии приобрело определенный, уничижительный смысл).

Существуют разные точки зрения на происхождение слова *остяк*. Еще Г. Новицкий пытался дать объяснение этому этнониму, связывая его или с рыболовецким занятием хантов (*остяки* от *ости* — «рыбные»), или со словом «остатки» (*остяки* — «остатки» языческого населения, бежавшего из Прикамья за Урал¹⁸). Вслед за Г. Ф. Миллером некоторые исследователи (С. В. Бахрушин, Б. О. Долгих, Н. И. Терешкин) производят слово *остяк* от татарского *истек*, *иштек*, *уштяк*, что значит «иноплеменец». А. Бушен также связывал этот этноним с татарским языком, но переводил его иначе: «дикий», «непокорный», «не платящий дани»¹⁹. С. Патканов, Г. Старцев, З. Я. Бояршинова считали возможным связывать этноним *остяк* с хантыйским *ас-ях* (*ас* — «большая река», так ханты и манси называют Обь и Иртыш — *ях* «люди», «народ») ²⁰. Н. И. Терешкин, не приведя никаких доводов, пишет, что такое сопоставление необоснованно²¹. Между тем Ф. Белявский привел несколько этнонимов для хантов: южные — *асьяхи* (от *ях* — «река»), северные — *кондихо* («человек»), *уштяк* («невежды», «дикие люди»²²). У Н. А. Абрамова мы находим этноним *арьяхи*. Он связывал его с хантыйским словом *ар* — «много», *ях* — «люди» (от *хо* — «человек») ²³. В. Н. Чернецов и Е. Д. Прокофьева считали этноним *остяк* термином этнонимического характера²⁴, тюркским по происхождению и восходящим «к какому-либо древнему этнониму»²⁵. З. Я. Бояршинова относит этноним *ас-ях* к числу самоназваний племен Нижнего Приобья²⁶.

И раньше исследователи обращали внимание на то, что *остяками* до Великой Октябрьской социалистической революции именовали не только хантов, но и селькупов, кетов, барабинских татар, камских башкир, а также некоторые группы манси²⁷. *Остяками* до сих пор называют себя по традиции нарымские селькупы и васюганские ханты. Возможно, селькупов и кетов так называли отчасти за их культурное сходство с хантами. О том, почему так же называли некоторые западные и южные группы манси, мы уже писали; их предшественниками на данной тер-

¹⁵ Терешкин Н. И. Указ. раб., с. 319; История Сибири, т. I, с. 353.

¹⁶ Долгих Б. О. Указ. раб., с. 21.

¹⁷ Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. — Свод археологических источников. М.: Наука, 1971, в. В4-12(2), с. 58.

¹⁸ Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. Спб., 1884, с. 28.

¹⁹ [Бушен] А. Указ. раб., с. 176.

²⁰ Патканов С. Die Irtych-Ostjaken und ihre Volkspoesie. SPb., 1897, t. 1, S. 2; Старцев Г. Остяки. М., 1928, с. 13; Бояршинова З. Я. Указ. раб., с. 57.

²¹ Терешкин Н. И. Указ. раб., с. 319.

²² Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, с. 60, 61.

²³ Абрамов Н. А. Описание Березовского округа. — Записки Русского географического общества. Спб., 1857, XII, с. 330, прим.

²⁴ Прокофьева Е. Д., Чернецов В. Н. Ханты. Рукопись, первоначальный вариант статьи для тома «Народы Сибири» (архив Ин-та этнографии АН СССР в Ленинграде).

²⁵ Народы Сибири. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 570.

²⁶ Бояршинова З. Я. Указ. раб., с. 57.

²⁷ Народы Сибири, с. 570; История Сибири, т. I, с. 353.

ритории были ханты, часть их вошла в состав пришедших сюда с запада и юга манси²⁸. В составе барабинских татар и камских болгар также были предки современных хантов.

Если же считать правильным, что остяки — древний этноним, то, вероятней всего, его носителем было уральское по происхождению население, тот аборигенный компонент, из которого впоследствии выделились ханты, манси, ненцы, селькупы и кеты. В прошлом все они, кроме ненцев, назывались остяками.

Поэтому неправильно считать, что в названиях остяк и вогул есть уничижительный, оскорбительный смысл. Кстати, подобное утвердившееся мнение ведет к отказу населения от этих этнонимов и заимствованию других этнонимов у соседних народов, как это случилось, например, с селькупами р. Кеть, которые стали называть себя кетами²⁹.

После Октябрьской революции в официальной практике и советской литературе в качестве этнонимов утвердились самоназвания *манси* и *ханты*.

Этноним *манси* в отличие от этнонима *ханты* был известен и до 1917 г. Хотя и не часто, но его употребляли еще русские путешественники и ученые XIX — начала XX в. (Ф. Белявский, Н. Л. Гондатти, С. Патканов, О. Финш и А. Брэм, К. Д. Носилов). Это самоназвание всех групп манси (у северных — *маньси*, *маньщи*, у южных — *меньдьши*³⁰). В. Н. Чернецов связывал его происхождение с древним родовым (точнее, фратриальным) названием *мось* (мн. ч. *моньсьет*)³¹.

Этноним ханты утвердился лишь в советское время (в официальной практике и советской литературе). Он происходит от самоназвания хантов *кондихо* (у северных)³², или *кандаяхи*³³, или *хандохо* (*кандыхо*)³⁴ или *хандо-хо* (мн. ч. *ханда-гуи*)³⁵ — «человек», «люди». Эти этнонимы были известны и до Октябрьской революции. В советское время данные об этнонимах хантов были уточнены: северные ханты называют себя *ханги* или *хантэ*, восточные — *кантэх* или *кантэк*³⁶ либо *кантагаях*³⁷, *канта-ях*, *канти-ях*³⁸. Происхождение этого этнонима не совсем ясно. Одни ученые связывают его с этнонимом *хунну*, другие — с татарским словом *хан* (*хондихо* — «ханские люди»), третьи — с названием р. Конды³⁹.

Последнюю гипотезу интересно сопоставить с мнением некоторых исследователей о родстве с уграми отдельных племен мунда, живущих в Индии, а именно с племенами савары и конда⁴⁰ (ср. с древним этнонимом угров *савар* — *сабыр* — *сыбыр* и названием р. Конда). В связи с этим уместно высказать предположение о том, что среди предков обских угров могли быть племена с этнонимом *конда* (или близким ему), давшие имя р. Конде, притоку Иртыша.

Таким образом, обских угров правильнее называть хантами и манси, а не остяками и вогулами. В советской литературе эти этнонимы утвер-

²⁸ Соколова З. П. К происхождению современных манси...

²⁹ Алексеев Е. А. Этнические процессы на Туруханском Севере. — Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970, с. 76.

³⁰ Манси. Рукопись.

³¹ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества. — Сов. этнография, 1939, № 2, с. 22; Ромбандеева Е. И. Мансийский язык. — Языки народов СССР. М., 1966, т. III, с. 343.

³² Белявский Ф. Указ. раб., с. 60, 61.

³³ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска... — Записки Русск. географич. общества по отд. этнографии. Спб., 1882, т. X, в. 1, с. 48.

³⁴ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882, с. 448.

³⁵ Патканов С. Ibid., S. 1.

³⁶ Терешкин Н. И. Указ. раб., с. 319.

³⁷ Лукина Н. В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов. — Материалы по этнографии Сибири. М.: Изд-во Томск. ун-та, 1972, с. 68.

³⁸ Соколова З. П. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области. — Сов. этнография, 1961, № 3, с. 46, прим. 9; см. также полевые материалы З. П. Соколовой за 1958 г. (архив Ин-та этнографии, фонд Северной экспедиции), дневник, с. 60.

³⁹ Финш О., Брэм А. Указ. раб., с. 448.

⁴⁰ Манси. Рукопись, с. 1.

дились прочно, но употребляются не всегда правильно. В научной литературе этноним манси чаще всего не склоняется, а ханты изменяется по падежам и числам (хант, мн. ч. — ханты, женщины — хантыйка, прилагательное — хантыйский).

Авторы дореволюционных и некоторых советских изданий 1930-х годов (Н. Л. Гондатти, С. В. Бахрушин), М. А. Сергеев⁴¹ в 1950-х годах склоняли и слово манси (мансей, о мансях, мансями); нередко писали: маньсы, маньсов, манзов. Манси — слово в русской огласовке (от мансийского маньси, маньщи), поэтому оно должно подчиняться правилам русского языка. Вероятно, правильно образованы производные от слова манси в справочнике «Народы СССР», изданном Академией наук СССР⁴²: мансиец, мансийка, прилагательное — мансийский, однако слово *манс* (единственное число от слова *манси*) не привилось в современной научной литературе.

Слово «ханты» в местной периодической печати и в изданиях Тюменской области, Свердловска (Среднеуральское книжное издательство) не изменяется по падежам и не употребляется во множественном числе: «женщина ханты», «ханты Софронов», «тяжелым было положение ханты и манси», «ханты — ненецкая беднота» и т. п.⁴³ Это было правильно в тот короткий период начала 1930-х годов, когда в ходу был термин *хантэ*, а не *ханты*, более близкий самоназванию хантов. Теперь принят термин *ханты* — русская огласовка хантыйского самоназвания. Следовательно, это слово также должно подчиняться правилам русского языка. В упомянутом уже справочнике от слова ханты указаны следующие производные: хант, хантка, хантов, ханток, хантыйский. Однако в научной литературе термин хантка не привился, видимо, из-за неблагозвучия (употребляется слово хантыйка).

Селькупов до революции называли остяко-самоедами или остяками. О термине остяк мы уже говорили. Термин *остяко-самоед* ввел М. А. Кастрен, подчеркнув этим языковое родство селькупов с самодийскими народами, а культурное — с хантами.

Этноним *селькуп* был введен в официальную практику и научную литературу только после Октябрьской революции. Он прочно утвердился в советской и постепенно входит в употребление в зарубежной литературе⁴⁴. Но как самоназвание он характерен лишь для северной группы селькупов.

Среди разных групп южных, нарымских селькупов в прошлом бытовали разные самоназвания — *чумиль-куп*, *шеш-кум*, *сюссе-кум* и др.⁴⁵. За последние 50—60 лет нарымские селькупы значительно обрусели (этот процесс начался еще до революции), утратив и свои самоназвания. От северных селькупов они оторваны территориально и административно, поэтому среди них бытует этноним *остяк*⁴⁶, а не *селькуп*. Это вызывает путаницу при переписях, так как южных селькупов относят к хантам, а иногда и к кетам⁴⁷. Поэтому правильнее называть их селькупами (селькуп, селькупка, селькупов, селькупский), несмотря на некоторую искусственность этого термина.

Ненцев до революции называли самоедами, юраками, юрацкими самоедами. Юраками их называли соседи — эвенки, энцы, нганасаны. Восточных (енисейских) ненцев они называли *дюрака*. Значение этого этнонима неясно.

О происхождении слова *самоед* существует много разных мнений: его связывают с ненецким словом *самай* — «нечистый», финским *соома* или карельским *саамус* — «болото», племенным названием энцев — *со-*

⁴¹ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — ТИЭ, М. — Л., 1955, т. XXVII.

⁴² Народы СССР. Краткий справочник. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 22.

⁴³ Андросенко В. И. Ханты-Мансийск. Свердловск.: Среднеуральское кн. изд-во, 1979, с. 12; Омельчук А. Салехард. Свердловск: Среднеуральское кн. изд-во, 1978, с. 11, и др.

⁴⁴ Shamanism in Siberia. Budapest, 1978.

⁴⁵ Народы Сибири. с. 665; Народы СССР, с. 23.

⁴⁶ Соколова З. П. О некоторых этнических процессах..., с. 46.

⁴⁷ Алексеенко Е. А. Указ. раб., с. 76.

мату и т. д. Но чаще всего слово *самоед* производят от *самэ една* — «земля саамов»⁴⁸. И сейчас еще в быту встречается неверное понимание этого термина (бытовавшее и раньше), будто бы связанного с каннибализмом ненцев: самоед — «сам себя ест». Такую точку зрения высказывали когда-то Н. Витсен, Н. А. Абрамов, А. Шренк, но она не выдерживает никакой критики и основана лишь на формальном сходстве слова *самоед* и этой фразы⁴⁹.

Таким образом, оба этнонима — *самоеды* и *юраки* — не являются самоназваниями ненцев. Напротив, этноним *ненцы* образован от их самоназвания: *ненэць* — «человек». Поэтому правильно употреблять именно данный этноним. Это слово изменяется по родам, падежам и числам (ненец, ненка, ненцы, ненцев, ненецкий)⁵⁰. В советской литературе и официальной практике он утвердился, хотя существует понятие «самодийские языки и народы», образованное от слова самоед и применяемое к группе родственных по языку и происхождению народов — ненцам, энцам, нганасанам и селькупам. В зарубежной (венгерской, финской) литературе нередко встречается употребление старого этнонима *самоеды*⁵¹, но постепенно под влиянием советской научной литературы начинает утверждаться этноним *ненцы*⁵².

Этноним *энцы* образован искусственно в советское время от слова *энэтэ*, означающего на энецком языке «человек», «мужчина»⁵³. В официальных документах и дореволюционной литературе их называли хантайскими и карасинскими (енисейскими) самоедами. Последнее название распространено и сейчас в зарубежной литературе. Сами энцы делили себя на две группы, имевшие названия родового происхождения, — *маду* и *пэ-бай*, которые иногда встречаются в литературе.

Употребление этнонима энцы имеет большое практическое значение, так как иначе при переписи эта самостоятельная этническая группа не учитывается и относится к ненцам.

Енисейцами или енисейскими остяками называли раньше кетов. Это название и сейчас часто употребляется в зарубежной литературе. Этноним *кеты* образован в советское время от самоназвания *кет* — «человек» (мн. ч. *денг* — «люди», «народ»). Он утвердился и в официальной практике, и в литературе (*кет, кетка, кеты, кетский*)⁵⁴. Но на местах, а также в периодической прессе нередко встречается его неправильное употребление — *кето*, звательная форма от слова *кет*⁵⁵.

На территории Восточной Сибири мы рассмотрим некоторые этнонимы, имеющие прямое или косвенное отношение к тунгусскому миру. В первую очередь обратимся к этнониму *тунгус*.

Тунгусами до начала 1930-х годов обыкновенно называли эвенков и эвенов, реже — тунгусоязычные народы Нижнего Амура, Сахалина и Приморья. В историко-этнографической литературе XVIII — начала XIX в. этим этнонимом именовали и маньчжуров. Н. Я. Бичурин называл тунгусами жителей древней Кореи и Маньчжурии, причем первые по его классификации были южными тунгусами, а вторые — северными⁵⁶. Ко вторым Бичурин, вероятно, относил и сибирских тунгусов — эвенков и эвенов. Кроме того, тунгусами Бичурин называл и предшественников маньчжуров — *мохэ* и *чжурчженей*⁵⁷.

Некоторые исследователи именовали тунгусами также гипотетических тунгусских предков — сяньби и киданей.

⁴⁸ Хомич Л. В. Ненцы. Л.: Наука, 1976, с. 27.

⁴⁹ Хомич Л. В. Указ. раб., с. 25, 26.

⁵⁰ Народы СССР, с. 22.

⁵¹ Glaubenswelt und Folklore der sibirische Völker. Budapest, 1963.

⁵² Shamanism in Siberia.

⁵³ Народы Сибири, с. 661; Народы СССР, с. 22, 23.

⁵⁴ Народы Сибири, с. 687; Народы СССР, с. 35.

⁵⁵ Алексеенко Е. А. Указ. раб., с. 77, прим. 34.

⁵⁶ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. 2, с. 7—8.

⁵⁷ Там же, т. 1, с. 380; Иакинф, монах. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840, с. 135.

Между тем слова тунгус нет в языках маньчжуров, эвенков и других тунгусоязычных народов Сибири. В письменных источниках этноним тунгус, насколько нам известно, встречается не ранее второй половины XVI в. в сообщениях русских и иностранцев о коренных жителях Западной и Восточной Сибири, т. е. преимущественно об эвенках и эвенах.

Откуда же взялось слово тунгус и почему оно стало служить для обозначения эвенков и эвенов?

Чтобы ответить на этот вопрос, исследователи XVIII в. обратились к термину тунгус — «свинья», встречающемуся в некоторых тюркских языках. Интерпретируя эту версию, Бичурин писал: «По китайской истории известно, что тунгусы (т. е., очевидно, маньчжуры.— В. Т.) издревле наиболее старались разводить свиней, которые и ныне у них исключительно употребляются при шаманском жертвоприношении; а свинья на татарском языке называется „донгус“»⁵⁸.

Кто же эти тюрки, от которых русские услышали и стали употреблять этноним тунгус по отношению к эвенкам и эвенам? Исходя из рассматриваемой версии, ими не могли быть якуты, потому что в якутском языке нет понятия «свинья». К тому же русские при своем продвижении по Сибири с запада на восток раньше познакомились с эвенками, чем с якутами. Отсюда следует, что первыми, от кого русские могли услышать этноним тунгус, были иртышские татары, которые достаточно хорошо знали о существовании тунгусов⁵⁹. По-татарски свинья — дунгыз⁶⁰.

Происхождение якутского названия эвенков и эвенов *тонгус* не совсем ясно. Скорее всего, якуты вынесли данный этноним из тех районов, где они прежде обитали по соседству с другими тюркоязычными народами. Но существует и другое объяснение якутского *тонгус*: от якут. *тонг* — «мерзлый», «холодный». Согласно якутскому исследователю С. И. Николаеву, якуты относили к категории «мерзлых людей» (тоц киһи) всех, кто не владел якутским языком⁶¹. Еще в начале 1930-х годов якуты, жившие в низовьях Индигирки, называли русских, не понимавших их языка, *тонг нучча*⁶². В том же значении якутское *тонг* проникло в эвенкийский язык, означая не только «мерзлый», но также «глупый», «ничего не понимающий»⁶³.

Основываясь на значении указанного якутского термина, польский лингвист Адам Шиманьский предложил собственную версию происхождения этнонима *тонгус* у якутов. По его мнению, данный этноним отражает словосочетание *тонг-уос* — «мерзлый рот»⁶⁴. Несмотря на кажущуюся естественность такого предположения, знаток якутского языка Э. К. Пекарский считал, что оно не имеет опоры в реальной действительности. «Такого выражения вообще нет в якутском языке», — писал он⁶⁵.

Итак, более надежной следует считать первую версию, производящую этноним тунгус от тюркского термина, означающего «свинья».

При этом следует иметь в виду, что к сибирским тунгусам данный термин прилагался тюрками чисто механически на основании бесспорной этнической близости эвенков и эвенов к маньчжурам, чжурчжэням и другим обитателям Маньчжурии.

⁵⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 7.

⁵⁹ Туголуков В. А. Тунгусы среди татар и хантов на Иртыше и Оби в XVI—XVII вв.— В кн.: III Всесоюзная тюркологическая конференция. Литературоведение и история (тезисы докладов и сообщений). Ташкент, 1980, с. 169, 170.

⁶⁰ Татарско-русский словарь. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1966, с. 641.

⁶¹ Николаев С. И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск, 1964, с. 28, 29.

⁶² Кротов М. В просторах Индигирки. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1934, с. 68.

⁶³ Полевые материалы В. А. Туголукова: 1955, тетр. 3, л. 170; 1965, тетр. 1, л. 64.— Архив Ин-та этнографии АН СССР.

⁶⁴ Шиманьский А. Происхождение и действительное значение слова «тунгус». — Этнографическое обозрение, 1906, М., 1907, № 3—4, с. 115. Подробнее о гипотезе Шиманьского см.: Туголуков В. А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов). — В кн.: Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 207, 208.

⁶⁵ Пекарский Эд. К вопросу о происхождении слова тунгус. — Этнографическое обозрение, 1906, № 3—4, с. 211.

Поскольку эвенки и эвены не имели отношения к свиноводству или почитанию свиньи как культурного животного, называть их тунгусами представляется нелогичным. К тому же приложение данного этнонима сразу к двум народам не позволяет отличить один от другого. Поэтому замена в советское время этнонима тунгус этнонимами эвенки и эвены была вполне обоснованной. В настоящее время слово тунгус употребляется преимущественно в научной литературе для обозначения эвенков и эвенов или всех тунгусоязычных народов Сибири.

Как известно, эвенки и эвены — самоназвания двух главных народов тунгусского этноса. Г. М. Василевич считала этноним *эвен* (*эвэн*) более древним по сравнению с этнонимом *эвенки* (*эвэнки*)⁶⁶. На наш взгляд, различие между обоими этнонимами определяется фонетическими особенностями эвенкийского и эвенского языков. Как известно, эвенский язык характеризуется опусканием слогов в середине или в конце некоторых слов. О фактической адекватности обоих этнонимов свидетельствует прилагательное *эвэди*, которое в эвенкийском языке означает «эвенкийский», а в эвенском — «эвенский»⁶⁷.

Мы полагаем, что этноним эвенки (как и эвен) восходит к названию древних оленеводов *увань*, которые, согласно китайской исторической хронике VII в., жили в горной тайге Забайкалья. Эти оленеводы, вероятно, прямые предки эвенков и эвенов⁶⁸. Сами эвенки этимологизируют свое самоназвание от эвенк. и эвен. *эвунки* (*эвэнки*) — «поперек», «поперечный»⁶⁹. Перевод данного слова — «поперешные» был впервые дан Яковом Линденау в 1744—1745 гг.⁷⁰. Сами эвенки понятие «поперечные» интерпретируют как свидетельство расселения их предков по северной Сибири «поперек» ее основных горных хребтов⁷¹.

Сходство этнонимов эвенки и эвены тоже создает определенные трудности при учете населения. Если названия мужчины («эвенк», «эвен») у обоих народов достаточно различимы, то с названиями женщины дело обстоит не столь гладко. Правильно писать «эвенкийка» и «эвенка», но на практике слово эвенкийка самими эвенками обычно заменяется более простым словом эвенка. Это ведет к тому, что при сведениях порайонных данных всесоюзных переписей населения часть эвенкийских женщин причисляется к эвенкам. Так, например, в итогах Всесоюзной переписи 1959 г. в северных районах Амурской области было показано 1158 эвенков и 231 эвен, хотя последних там нет. При проверке переписных листов в Амурском областном статистическом управлении мы выяснили, что к эвенкам были отнесены 230 эвенкийских женщин, назвавших себя не эвенкийками, а эвенками и один манегр⁷². В литературе тоже иногда происходит путаница с этнонимами: эвенков называют эвенками, вместо *эвенкийский* пишут *эвенский*⁷³.

В дореволюционной литературе этнонимы эвенки и эвены почти не встречаются. Но наряду с этнонимом *тунгус* в ней можно обнаружить этноним *орочён*, служивший для обозначения части оленных эвенков Забайкалья и Приамурья. Кроме того на рубеже 20—30-х годов текущего столетия значительная часть восточных эвенков-оленеводов называла себя *ороч*, а местные русские называли их *орочёлами*.

⁶⁶ Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958, с. 641.

⁶⁷ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (далее — ТМС). Л.: Наука, 1975, т. 2, с. 436. Интересно отметить, что эвены нередко сознательно называют себя эвенками, считая, что это более правильное определение их национальности. Вместе с тем нам не приходилось слышать, чтобы кто-либо из эвенков предпочитал называть себя эвенком.

⁶⁸ Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов. — В кн.: Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980, с. 159.

⁶⁹ ТМС, т. 2, с. 435, 436.

⁷⁰ Beschreibung der Tungusen, welche zu Udskoi ostrog sind und sich in den Legend auf halten. ЦГАДА, ф. 199, д. 511, ч. 2, № 9, л. 6. Слово «поперешные» написано Линденау по-русски.

⁷¹ Полевые материалы В. А. Туголукова, 1955 г., тетр. 2, л. 136.

⁷² Манегр — эвенк из рода Манегир.

⁷³ Авсеенок А. Земля в снегу. М.: Мысль, 1971, с. 32.

Оба названия — эвенк. *орочён* и эвен. *ороч*. (мн. ч. *орочёл*) — образованы от одного термина *орон* — «домашний олень» и могут переводиться как «оленный» или «оленеvod». Часть забайкальских эвенков-скотоводов именовалась *мурчен*: от эвенк. *мурин* — «лошадь».

Подобные обозначения обычно появлялись в районах, где олениводы контактировали со скотоводами или рыболовами. Не заменяя основных этнонимов (*тунгус*, *эвенки*, *эвен*), они помогали самим тунгусам отличать одну культурно-хозяйственную группу от другой.

Иной точки зрения на характер и происхождение этнонима *орочён* придерживалась Г. М. Василевич. Она считала, что это название было образовано от топонима *Оро*, служившего обозначением местности в отрогах Яблонового и Станового хребтов, где одна из групп древних тунгусов впервые освоила олениводство⁷⁴. Согласно сообщению эвенков-манегров, *Оро* находится на Амуре около бывшего Албазинского острога, где до прихода русских жили дауры — земледельцы и скотоводы⁷⁵. Однако в этой местности с ее жарким летом, обилием гнуса и отсутствием специфических оленьих кормов олениводство попросту невозможно.

Любопытно, что в последние 50—60 лет самоназвание охотских и камчатских эвенков *ороч* (*орочёл*) полностью вытеснило общее для эвенков самоназвание эвен. Житель пос. Ола (Ольский район Магаданской области) эвен И. М. Хабаров нам говорил о себе и своих соседях-эвенах: «Мы — *орочи*, а *эвены* — другие. Нас раньше считали тунгусами»⁷⁶.

Этнонимы *ороч* и *орочён* отражены в названиях некоторых тунгусо-язычных народов Нижнего Амура, Сахалина и Приморья. Мы имеем в виду названия *ульчи*, *ороки* и *орочи*. В отношении первого это как будто не совсем очевидно, однако нужно иметь в виду, что все указанные народы состоят в близком родстве. *Ороки* называют домашнего оленя *ула*, самоназвание *ороков* — *ульта*, что адекватно эвенкийскому *орочён*. Этноним *ульчи* *ороки* рассматривают как производное от *ульта*⁷⁷. Данное обстоятельство, несмотря на отсутствие олениводства у *ульчей*, *ороков* и *орочей*, позволяет оценить ту роль, какую сыграли эвенки и эвены в этногенезе этих народов.

К числу дореволюционных названий эвенков принадлежит этноним *ламут*. Это название русские первоначально писали как *ламутки*, *ламские тунгусы* или *ламские мужики*. До первой четверти XVIII в. его употребление по отношению к эвенкам было весьма sporadическим. Но уже в 1735 г. с помощью этнонима *ламут* русские провели номинальное разграничение между охотскими эвенками (тунгусами) и эвенками⁷⁸. В публикациях название *ламуты* впервые приведено в анонимном сочинении «Пространное землеописание Российского государства» (СПб., 1787).

И все-таки до начала 1930-х годов прежнее обозначение эвенков тунгусы не было вытеснено этнонимом *ламут*. Он сохранялся как полуофициальное название ряда восточных эвенских групп (в основном на Чукотке и Камчатке). Параллельное употребление здесь этнонимов *ламут* и *тунгус* создавало ложное представление о существовании на Северо-Востоке Сибири не только эвенков, но и эвенков⁷⁹.

В настоящее время местные органы, ведающие учетом населения, исходят из правильной концепции, согласно которой в северо-восточных районах Якутии и на Чукотке живут эвены, а не эвенки. Тем не менее в местных официальных сводках продолжают упоминаться как те,

⁷⁴ Василевич Г. М. Самоназвание *орочон*, его происхождение и распространение. — Изв. Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск: Наука, 1963, в. 3, с. 72, 73.

⁷⁵ Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела РГО в 1855 г. Р. Мааком. СПб., 1859, с. 60.

⁷⁶ Полевые материалы автора 1969 г., тетр. 1, л. 28. — Архив ИЭ.

⁷⁷ То же, 1976 г., л. 6, 11 об.

⁷⁸ Центр. гос. архив древних актов, ф. 199, д. 365, ч. 1, № 2, л. 62. Данный документ представляет собой ответ администрации Якутского уезда на запрос Г. Ф. Миллера.

⁷⁹ Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896; Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906, ч. 1, в. 1, с. 23, 24.

так и другие. В похозяйственных книгах Марковского района Магаданской области (Чукотский автономный округ) эвенов продолжают учитывать как ламутов⁸⁰.

Мы привели далеко не все этнонимы, служившие в прошлом у эвенков и эвенов названиями их отдельных локальных и культурно-хозяйственных групп. У эвенков существовали также такие этнонимы, как *дункан*, *солон* и *хамниган*, а у эвенов — *мэнэ* (мн. ч. *мэнэль*), *дондыткиль* и др.

Эвенкийский этноним *дункан* идентичен эвенскому *дондыткиль*: оба образованы от термина, который по-эвенкийски звучит как *дуннэ*, а по-эвенски — как *донрэ* или *дунрэ*; его значение — «земля», «суша», «материк» и т. п.⁸¹. Перевод — «материковые». Оба названия логически противопоставляются этнонимам, обозначающим жителей морского берега, которых охотские эвенки называют *лямтер*, а эвены — *мэнэ*.

Этнонимы *дункан* и *лямтер* сейчас бытуют в основном среди эвенков Туруро-Чумиканского района Хабаровского края, но в прошлом они были распространены шире. Так, П. С. Паллас писал, что забайкальские тунгусы «называют себя Донки или Оивенки»⁸², т. е. *дункан* и *эвенки*. Этноним *дункан* сами эвенки переводят как «горные», а этноним *лямтер* — как «пропахшие нерпичьим жиром»⁸³. Буквальный перевод слова *лямтер* — «приморские» (от эвенк. *ламу* — «море»).

Эвенское слово *мэнэ* означает «оседлый»; так эвены-оленоводы называли «пеших тунгусов» Охотского побережья, обнаруженных русскими в XVII в. Сейчас тот же этноним служит у эвенов для обозначения так называемых камчадалов — русскоязычной этнографической группы, в которую слились «пешие тунгусы», оседлые коряки, местные русские старожилы и якуты⁸⁴.

Этноним *солон* в прошлом употреблялся маньчжурами и китайцами по отношению к эвенкам, перешедшим на правобережье Амура. На левобережье Амура те же эвенки именовались тунгусами. Себя солонны называли эвенками⁸⁵.

Следует заметить, что в источниках XVIII—XIX вв. этноним *солон* нередко употреблялся и по отношению к части зарубежных дауров, баргутов и даже бурят⁸⁶. Поэтому он имел более широкое содержание, обозначая преимущественно скотоводческое военно-служилое население северо-восточной Маньчжурии, представлявшее собой относительно недавних выходцев из России. Вернувшиеся в Россию эвенки употребляли этноним *солон* уже как самоназвание⁸⁷.

Относительно происхождения и этимологии этнонима *солон* было высказано немало различных точек зрения, но ни одна из них нас не удовлетворяет.

Мы полагаем, и это мнение разделяют некоторые из наших информаторов-эвенков, что *солон* — не более, чем маньчжурская огласовка эвенкийского термина *сологон* — «верхние по течению». Так могли называть дауров, гоголей и своих спустившихся к Амуру с гор на его левобережье соплеменников эвенки, жившие в XVII в. на том же Амуре возле устья Уссури. Заметим, что тунгусы «Шелогонского» (Сологонского) рода упоминались около середины XVII в. на нижней Зее среди дауров⁸⁸. Созвучное этнониму *солон* название «Шелонского» рода тунгусов было тогда же записано русскими в районе Охотского острога⁸⁹. Здесь *шо-*

⁸⁰ Полевые материалы В. А. Туголукова 1973 г., л. 49—51 об.

⁸¹ ТМС, т. 1, с. 224.

⁸² Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788, ч. III, половина I, с. 330.

⁸³ Полевые материалы В. А. Туголукова 1965, 1978 гг.

⁸⁴ То же, 1969 г., т. 1, л. 27 об.

⁸⁵ Архив АН СССР, ф. 148, оп. 1, д. 90, л. 27.

⁸⁶ Семеновский. Новейшие повествования о Восточной Сибири. Спб., 1817, ч. IX, с. 90.

⁸⁷ Архив Всесоюзного геогр. о-ва, разр. 60, оп. 1, д. 22, л. 15 об.

⁸⁸ Дополнения к Актам историческим. Спб., 1848, т. III, с. 53.

⁸⁹ Там же, с. 334.

лон — усеченное в соответствии с особенностями эвенского языка родовое название Шологон (Сологон).

В начале XX в. этноним солон был заменен в китайских официальных публикациях этнонимом эвенки. Однако этот последний относится не ко всем эвенкам бывшей Маньчжурии: часть их, как и прежде, именуется ороченами. Так в Китае называют бывших эвенков-оленоводо⁹⁰.

Этноним *хамниган* служит монголо-бурятским обозначением эвенков-скотоводов. Впервые он встречается в маньчжурских источниках XVII в., по-видимому, применительно к р. Шилка — одному из конfluenceнтов Амура. Именно так можно трактовать название племени Шилу и местности Кэмунихань в одном маньчжурском источнике 1636 г.⁹¹

В России этноним хамниган был столь же мало известен, как и этноним солон. Во второй половине XVIII в. мы встречаем его у П. С. Палласа, а в начале XX в. — у Ю. Д. Талько-Грынцевича. Паллас писал, что монголы и российские тунгусы называли солонов Китая либо *ссолон*, либо *камнега-ссолон*⁹². Талько-Грынцевич называл хамниганами группу эвенков-скотоводов северо-восточной Монголии (теперь МНР), кочевавшую в бассейне р. Иро⁹³.

По поводу происхождения этнонима хамниган можно высказать следующее суждение. Хотя в монгольском языке такое слово имеется⁹⁴, оно стоит особняком в монгольской лексике. Вызывает сомнение и перевод монголами и бурятами этнонима хамниган как «чертовы люди» (имеются в виду эвенки)⁹⁵. Поэтому следует думать, что монголы и буряты заимствовали этноним хамниган у маньчжуров, в языке которых имеется слово *камни* со значением «узкий проход между горами, ущелье, горная теснина»⁹⁶. Следовательно, хамниган означает «житель горной местности», что достаточно хорошо согласуется с традиционным образом жизни эвенков⁹⁷.

Тунгусское происхождение имеют три этнонима, служащие обозначениями таких самостоятельных народов Севера, как долганы, негидальцы и юкагиры.

Этноним *долган* — название небольшого народа, расселенного на территории Таймырского (Долгано-ненецкого) автономного округа. Статус самостоятельного народа Севера долганы получили только в советское время, хотя отдельные исследователи выделяли их еще в первой половине прошлого века. Долганы называют себя, как и якуты, *саха*, говорят на якутском языке, но имеют тунгусскую оленеводческую культуру. В состав долган вошли таймырские эвены, эвенки, якуты, русские старожилы («затундринские крестьяне») и в меньшей степени энцы и нганасаны⁹⁸.

История сложения долганского народа уходит в XVII в., когда с Нижней Лены на Оленек и другие реки северо-запада Восточной Сибири стали мигрировать тунгусы родов Долган и Эдян, имеющих эвенское происхождение. Представители этих родов и составили этническое ядро будущего долганского народа. Переселение на северо-запад большого числа якутов из центральных районов Якутии обусловило переход предков современных долганов на якутский язык.

⁹⁰ Небольшое число эвенков-оленоводо⁹⁰ (ороченов) до сих пор проживает на правом берегу Аргуни.

⁹¹ Мелихов Г. В. Маньчжурия на северо-востоке (XVII в.). М., 1974, с. 64.

⁹² Паллас П. С. Указ. раб., с. 332.

⁹³ Талько-Грынцевич Ю. Д. К антропологии тунгусов. Иройские хамнеганы. Антрополого-этнологический очерк. — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Спб., 1905, т. 7, в. 3, с. 68—78.

⁹⁴ «Хамниган — эвенки, тунгусы» (Монгольско-русский словарь. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957, с. 508).

⁹⁵ Талько-Грынцевич Ю. Д. Указ. раб., с. 69.

⁹⁶ Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. Спб., 1875, с. 259.

⁹⁷ Туголуков В. А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез). — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975, с. 110.

⁹⁸ Долгих Б. О. Происхождение долган. — В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1963, в. V, с. 92—141.

Обратимся к негидальцам. Название этого народа образовано от эвенк. *негидал*, означающего людей, живущих внизу, у воды⁹⁹. Так эвенки называли тех своих соплеменников, которые по мере продвижения с севера к Нижнему Амуру оседали на Амгуни и по берегам крупных озер (Дальджа, Орель-Чля, Чукчагир и др.), где благодаря контактам с местными жителями в конце концов превратились в самостоятельную этническую группу.

Сложнее обстоит дело с этнонимом *юкагир*. Хотя он оформлен типичным для тунгусских родовых названий суффиксом-гир, рода с таким названием у тунгусов в известное нам время не существовало. Поэтому относительно происхождения этнонима юкагир можно строить только гипотезы. Исследователь юкагиров В. И. Иохельсон рассматривал этот этноним как состоящий из двух частей юк. *јука* — «далеко» и тунг.-*гир*¹⁰⁰. Против этого возражал Е. А. Крейнович, однако он не предложил другой этимологии¹⁰¹.

По нашему мнению, название юкагир — чисто тунгусское, но оно было записано русскими не совсем точно. Более правильной транскрипцией нужно считать *дюкэгир*, где эвенк. *дюкэ* означает «лед», «ледяной», а *-гир* — оформляющий суффикс. *Дюкэгир* — «ледяные люди», что по значению близко к юк. *чульси* или *чуолэ* — термину, которым они определяют эпоху своих мифических предков, «ледяных стариков»¹⁰².

Подтверждением сказанному служит то обстоятельство, что якуты произносят этноним *юкагир* как *дюкагир* или *дьюкагир* (*дьюкаагир*)¹⁰³.

Между тем сами юкагиры никогда не называют себя юкагирами: их самоназвание — *одул* или *вадул*¹⁰⁴.

Авторы не исчерпали всего запаса этнонимов угро-самодийских и тунгусских народов Сибири; это не входило в их задачу. Цель настоящей статьи — привести данные об основных этнонимах, а также об ошибках, встречающихся при их практическом использовании, написании и толковании. Аналогичные проблемы, несомненно, существуют и в этнонимии других народов нашей страны. К их решению, как можно надеяться, тоже будет привлечено внимание специалистов.

⁹⁹ ТМС, т. 1, с. 658.

¹⁰⁰ Иохельсон Вл. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. — Изв. РГО, 1898, т. XXXIV, ф. 3, с. 2.

¹⁰¹ Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 3.

¹⁰² Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Рукопись (1929 г.). — Архив АН СССР, ф. 47, оп. 2, д. 162, л. 86; Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Спб., 1900, т. 1, с. 168.

¹⁰³ Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, с. 99; Полевые материалы В. А. Туголукова, 1970 г., тетр 1, л. 28.

¹⁰⁴ Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1969, с. 4—5.

С. В. Жарникова

**О ПОПЫТКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ
НЕКОТОРЫХ ОБРАЗОВ РУССКОЙ НАРОДНОЙ
ВЫШИВКИ АРХАИЧЕСКОГО ТИПА
(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. П. ДУРАСОВА)***

Русская народная вышивка архаического типа была объектом исследования многих ученых. Весьма обширная библиография работ, посвященных этому вопросу, яркое тому подтверждение. Трудями А. А. Афанасьева, А. К. Амброза, В. С. Воронова, В. А. Городцова, Л. А. Динцеса, Г. С. Масловой, Б. А. Рыбакова и многих других исследователей в значительной мере выявлен генезис узоров русской народ-

* Дурасов Г. П. Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа. — Сов. этнография, 1980, № 6, с. 87—98 (далее ссылки на соответствующие страницы этой статьи даются в тексте).